УДК 1(091)

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: berestoviv@yandex.ru

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЫЛКИ ПАРМЕНИДА: (1) ПРОБЛЕМА ДВУХ СПОСОБОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ – ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Л. М. ДЕ РИЙКОМ ФРАГМЕНТА В 2,3 *DK* *

Задача настоящей статьи – продемонстрировать возможность интерпретации B 2, 3 как осмысленное, ради работы над непротиворечивой интерпретацией B 2 – B 8, 49. Вывод статьи: разобранные попытки (Л. М. Де Рийка и др.) интерпретировать Парменида как признающего два способа существования представляют его рассуждение в явно противоречивом виде. Особое внимание уделяется фрагменту B 2, 3 и обсуждению допустимости предположительно подразумеваемой в нем предпосылки (1) «все то, что актуально мыслится (если таковое имеется), существует», которая необходима для последующего вывода «признаков сущего». Продолжению критического анализа доводов, выдвигаемых против принятия (1) планируется посвятить следующую статью.

Ключевые слова: Парменид, Л. М. Де Рийк (De Rijk), проблемный подход, существование в реальности, существование в мысли, тождество мышления и бытия, Г. Фреге, Э. Гуссерль.

* * *

Цель настоящей статьи – на основе современных историко-философских исследований, анализирующих предполагаемые предпосылки Парменида и последовательность основывающегося на них его рассуждения, представить такую *логически возможную* интерпретацию этого рассуждения, которая намечала бы способы устранения по мере возможности упреков в непоследовательности, делаемых Парменидy современными учеными (в основном речь пойдет о статье [De Rijk, 1983]).

Во избежание недоразумений хотелось бы сразу же указать на конкретность цели нашей работы. Следуя за авторами анализируемых публикаций, мы практически не рассматриваем предположения о культурных и исторических основаниях рассуждения Парменида. Вступая в заочный диалог с современными авторами, склоняющимися к жанру «аналитической (рациональной) реконструкции» в рамках истории философии, мы не можем не играть по их правилам: исходя из того, к чему Парменид приходит, и из хода его рассуждения, рассматриваемого как дедуктивный вывод, мы реконструируем, из каких посылок он мог бы исходить. Рассуждение Парменида берется таким, каким оно представлено в дошедших до нас фрагментах из текста поэмы; комментарии и замечания других античных авторов могут привлекаться в качестве вторичного источника, рассматриваться как некоторые из многих возможных разъяснений к тем или иным положениям поэмы, как указания на недостатки рассуждения, помогающие представить доказательство Парменида в более строгом виде, но сами по себе в число положений, привлекаемых для реконструкции посылок Парменида, не входят. Более того, следует заметить, что, рассматривая рассуждение Парменида именно как *доказательство*, мы вынуждены ограничиться не всей поэмой, а наиболее ясной в логическом отношении ее частью: B 2 – B 8, 49. Иначе нам грозит опасность погрязнуть в спорах, которые ведутся современными исследователями, о возможности согласовать

* Первая из серии статей, планируемых к опубликованию в настоящем журнале.

© И. В. Берестов, 2008

проэмий (B 1) и последующие фрагменты (B 8, 50–61 – B 21) с интересующим нас рассуждением (B 2 – B 8, 49); вынесение же решения по поводу принципиальной возможности такого согласования не входит в задачи настоящей статьи.

Следует особо подчеркнуть, что статья не преследует цели дать реконструкцию учения Парменида. Наша задача является очень узкой. Мы намерены разобраться, имеется ли *принципиальная* возможность рассматривать ту предпосылку, которая, предположительно, подразумевается Парменидом в B 2, 3 *осмысленной* (в широком смысле). А именно нас интересует вопрос о том, не является ли она противоречащей остальной части рассуждения – хотя в данной статье мы лишь намечаем подходы к интерпретации этого рассуждения; для того, чтобы получить окончательный ответ на приведенный вопрос, необходимо предъявить законченную интерпретацию рассуждения, выявляющую все скрытые предпосылки и разбирающую корректность каждого шага в умозаключении, что, очевидно, является темой отдельного развернутого исследования. Можно сказать, что настоящая статья может рассматриваться как одно из предварительных замечаний к такому исследованию, но не более того.

Кроме того, мы полагаем, что даже если некое суждение будет признано не противоречащим самому и себе и не противоречащим явным образом другим суждениям из очерченной нами области, то Парменидy в этом случае может быть предъявлена следующая претензия: рассуждение недопустимо не из-за явной противоречивости, а из-за того, что предполагаемые ходы и предпосылки в его рассуждении (в частности, предполагаемая в B 2, 3 посылка), в ходе философских дискуссий в последующих веках показали свою полную непригодность для использования – либо из-за того, что подразумевают противоречащие себе и друг другу посылки или бессмысленные понятия, либо по каким-либо иным причинам. Поэтому мы кратко укажем некоторых последующих (вплоть до современных) авторов, которые явно или неявно использовали предполагаемую предпосылку Парменида из B 2, 3 или обсуждали и отрицали ее, пытались от нее уйти, однако не преуспели в этом, ибо «уход», как оказалось, может порождать новые трудноразрешимые проблемы. Таким образом, осмысленность предполагаемой посылки Парменида обосновывается нами тем, что дискуссии по поводу ее приемлемости не стихли до сих пор, а значит, окончательно обосновать отсутствие у нее права на существование не удалось.

Подчеркнем, что мы не намерены делать обзор всех школ и направлений, когда-либо имевших место в истории философии. Мы упомянем только нескольких авторов для иллюстрации присутствия предпосылки Парменида в современной философии и практически не затронем тех, которые с Парменидом категорически не согласны или рассуждения которых не имеют отношения к рассматриваемой теме. Наша задача – не доказать *истинность* взгляда на мир Парменида, а всего лишь показать, что утверждение, предположительно содержащееся в B 2, 3, имеет право на существование. Мы не намерены утверждать также, что упоминаемые философы являются счастливыми обладателями истинного взгляда на мир и что автор статьи во всем с ними согласен. Истинность их или чьих-либо иных воззрений нас здесь вообще не интересует – нас интересуют хотя бы более-менее вразумительные основания для принятия позиции Парменида в B 2, 3. Мы используем наличие философских дискуссий по интересующей тематике (т. е. по поводу осмысленности утверждения, предположительно содержащегося в B 2, 3) исключительно для построения умозаключения: если тема до сих пор дискуссионна, то мы не можем обвинять Парменида в том, что его утверждение, выражаемое в B 2, 3, является бессмысленным.

Рассмотрение тех предполагаемых теоретических затруднений и мировоззренческих оснований, которые могли бы рассматриваться как вызвавшие к жизни рассуждение Парменида, а также рассмотрение *исключительно логических* и действительно имевших место в истории философии последствий рассуждения Парменида в настоящей работе не предпринимается. Мы попытаемся лишь прояснить некоторые аспекты *возможной* аргументации Парменида, пытаясь соблюдать максимальную доброжелательность по отношению к нему. Мы полагаем, что настоящее исследование внесет вклад в реализацию «проблемного подхода к истории философии» [Вольф, Берестов, 2004], а его результаты оцениваем как предварительные.

Мы намерены подробно обсудить несколько фрагментов (в основном речь пойдет о B 2, 3, от которого и будем отталкиваться), на основании которых рассматриваемые нами исследователи говорят об изъянах в аргументации Парменида, и рассмотрим, возможна ли их более согласованная интерпретация и какими в этом случае *могли бы* быть предпосылки рассуждения Парменида. Основная проблема, которая явилась стимулом для написания настоящей статьи, – каковы эти предпосылки, и насколько вообще возможно представить рассуждение Парменида в согласованном виде. Интерес к этой проблеме у современных исследователей обусловлен тем, что с первого взгляда кажущиеся предпосылками положения «сущее существует» и «не-сущее не существует» затруднительно интерпретировать как что-то отличное от простых тавтологий, а значит, они не могут служить единственными посылками для дедуктивного вывода «признаков сущего», утверждения о присущности которых сущему, как кажется, не являются простыми тавтологиями. Все это породило множество интерпретаций рассуждения Парменида; кроме того, оказалось, что чем более строго современные исследователи пытаются изложить ход рассуждения Парменида, тем определеннее они говорят о его некорректности. В качестве примера таковой укажем на один вариант «непоследовательности», которая приписывается Пармениду Л. М. Де Рийком, последний толкующим B 2, 3.

Интерпретация B 2, 3 Л. М. Де Рийка

Л. М. Де Рийк полагает, что в строке B 2, 3 (ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι) [1] имеется некорректное *умозаключение*, которое он понимает так: «нечто может мыслиться только как сущее, *следовательно*, оно (т. е. то, что является актуально мыслящимся. – *И. Б.*) существует» [De Rijk, 1983. P. 34]. И если B 2, 3 понимать именно так, то это умозаключение, как пишет Де Рийк, содержит ошибку: нечто всегда мыслится только как сущее, и никогда – как несущее, но это не означает, что мыслимое существует в действительности. «Рассматривать нечто как реальную природу некоторой вещи» – не тождественно «видеть актуально реальную природу некоторой вещи» [Ibid]. Парменид, по мнению Де Рийка, ошибался, полагая, что из первого следует второе.

Де Рийк хочет сказать следующее. Примем, что если нечто является актуально мыслящимся, то оно является актуально мыслящимся как существующее. Тем не менее, если *нечто мыслится только как существующее (или не может мыслиться как несуществующее), то это не значит, что оно действительно существует*. Такую же посылку, как и в B 2, 3, Де Рийк усматривает также и в B 8, 34: «ведь одно и то же – мыслить и мыслить, что (οὕνεκεν) объект мысли есть» [2] (ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα); хотя, как отмечает Де Рийк, здесь, в отличие от B 2, 3, нет некорректного вывода положения: «*все то, что актуально мыслится, существует*». Аналогичная критика представлена в работе [Nuchelmans, 1973]. Nuchelmans указывает, что важная дистинкция между «стремлением помыслить что-либо или указать на что-либо» и «успешной реализацией этих попыток» была пропущена Парменидом [Nuchelmans, 1973. P. 9–10].

Насколько мы понимаем, цель претензии Л. М. Де Рийка состоит в том, чтобы показать, что существование любого мыслимого объекта не доказано у Парменида; вычеркивание же предполагаемой Де Рийком парменидовской предпосылки *все то, что актуально мыслится* (если таковое имеется), *существует*, делает дальнейшее доказательство невозможным – это мы покажем несколько позже. Таким образом, если Л. М. Де Рийк прав, то доказательство Парменида разрушено; такое важное следствие побуждает нас присмотреться к позиции Де Рийка подробнее.

Замечание к интерпретации B 2, 3 Де Рийка

Даже если допустить, что пропущенным субъектом является «любое актуально мыс-

[1] Нумерация фрагментов, их строк и греческий текст фрагментов Парменида соответствуют изданию [Diels, Krans, 1964]. Номера строк указываются после запятой вслед за номером фрагмента.

[2] Перевод Л. М. Де Рийка.

лящееся нечто», то нет никаких оснований рассматривать эту строку как умозаключение, т. е. утверждение, что из одного суждения следует другое суждение. Греческий текст не дает для этого никаких оснований. Если переводить это изречение буквально, то здесь имеется *всего лишь* конъюнкция *любое актуально мыслящееся кем-либо нечто существует*» и «*любое актуально мыслящееся кем-либо нечто не может не существовать* [3]. Второй конъюнкт представляет собой более сильное утверждение, чем первый. Именно он дает нам намек на то, как он может быть обоснован.

Действительно, раз нам говорится, что *любое нечто, которое мы актуально мыслим, не может не существовать*, то наиболее естественная попытка опровергнуть это утверждение – попытаться актуально помыслить хоть что-нибудь, заведомо не существующее. Однако, по Парменидy, любая такая попытка обречена на провал, ср.: «нельзя не высказать, ни помыслить, будто бы [пропущенный субъект] не существует» (Пер. наш. – *И. Б.*) (οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι) (B 8, 8–9). Предположим, у Парменида пропущенным субъектом здесь является «любой актуально мыслящийся кем-либо объект»; тогда можно сказать, что в B 2, 3 и B 8, 8–9 Парменид имеет в виду в качестве подразумеваемого допущения: *любой актуально мыслящийся кем-либо объект существует, по крайней мере, в мышлении того, кто его мыслит, и в этом смысле – не может не существовать. Иначе говоря, мы имеем необходимое для дальнейшего обоснования «признаков сущего» положение все то, что актуально мыслится (если таковое имеется), существует.*

Теперь рассмотрим, могут ли иметься у Парменида веские доводы в пользу принятия указанного допущения. Пусть некто мыслит некий полагаемый им *полностью* несуществующим объект, скажем, сирену. Поскольку он полагает, что эта мыслимая им сирена является *полностью* несуществующей, то можно сказать, что он полагает, что она не существует *во всех возможных аспектах*. Иначе говоря, он принимает посылку: «полностью (= во всех возможных аспектах) не-сущая сирена актуально мыслится». *Полностью* не-сущая сирена (= сирена, не существующая *во всех возможных аспектах*) в соответствии с приведенным выше допущением не существует также и в его собственной мысли. В силу дополнительного допущения «*то, что не существует в мысли, не мыслится актуально*» полностью не-сущая сирена не мыслится актуально. Таким образом, мы пришли к противоречию с исходной посылкой: «полностью не-сущая сирена актуально мыслится»; значит, эта посылка оказалась недопустимой и должна быть отброшена.

Заметим, что приведенное выше дополнительное допущение – *то, что не существует в мысли, не мыслится актуально* – исходит из того, что «акт мышления сирены (= мысль о сирене) есть сирена, существующая в мысли». Может ли последнее быть оспорено? Имеем ли мы право говорить об «объекте, существующем в мысли» вообще? В следующей рубрике мы рассмотрим этот вопрос подробно, пока же заметим, что оспорить тождество «мысли о сирене» и «сирены, существующей в мысли» можно *только* в том случае, если мы согласимся, что некоторый объект может существовать не в мысли, и только в этом последнем случае корректно называть объект «существующим». Однако текст поэмы не дает ясных свидетельств того, что Парменид «на пути Истины» допускал такой способ суще-

---

[3] Большинство исследователей видит в B 2, 3 не импликацию, а конъюнкцию. Действительно, в буквальном переводе импликацию усмотреть трудно: «[Один путь] – что [любое актуально мыслящееся кем-либо нечто] существует и невозможно [для этого любого актуально мыслящегося кем-либо нечто] не существовать» (пер. наш. – *И. Б.*). А. В. Лебедев переводит: «Один [путь] – что [нечто] есть и что невозможно не быть» [Фрагменты…, 1989. С. 287]. Дж. Оуэн: «[Пропущенный субъект] существует и *должен* существовать» [Owen, 1986. P. 11]. А. Маковельский: «Первый [путь исследования заключается в том. – *А. М.*], что [бытие. – *А. М.*] есть и не может не существовать» [Маковельский, 1999. С. 458]. Там же А. Маковельский приводит переводы П. Таннери и Г. Церетелли: «…что бытие есть, а небытия нет». П. Кёрд: «Первый [путь исследования заключается в том. – *И. Б.*], что оно [«то, что есть» = «what is». – *И. Б.*] есть и ему [«тому, что есть» = «what is». – *И. Б.*] невозможно не быть» (the one that it is and that it is not possible not to be) [Curd, 2004. P. 58–59]. Кроме Л. М. Де Рийка, из названных исследователей только Дж. Оуэн рассматривает B 2, 3 в свете поиска посылок рассуждения Парменида, поэтому рассмотреть его перевод мы считаем весьма полезным, но, поскольку этот перевод следует рассматривать в контексте всего понимания Дж. Оуэном рассуждения в поэме Парменида, этот вопрос заслуживает отдельного обстоятельного исследования.

ствования, хотя это, конечно, очень трудный вопрос, требующий анализа обширной современной полемики. Не касаясь вопроса о том, насколько адекватна и исторична трактовка Парменида как допускающего существование только в мысли, заметим, что допущение существования вне мысли делает его рассуждение противоречивым, о чем еще будет сказано.

Итак, *любой актуально мыслящийся кем-либо объект*, если он актуально мыслится *полностью* несуществующим, не может быть *полностью* несуществующим. Это значит, что любой актуально мыслящийся объект существует, по крайней мере, в мышлении или как мысль [4], из чего и следует искомое положение все то, что актуально мыслится (если таковое имеется), существует.

* * *

Приведенное обоснование выглядит довольно надежным, но в ходе рассуждения была неявно использована посылка: «акт мышления объекта (= мысль об объекте) [5] есть объект, существующий в мысли». Заметим, что для успеха вышеприведенной аргументации вовсе не требуется допущение: *один и тот же* объект *может* существовать и «вне мысли» и «в мысли», не переставая быть тем же самым объектом. Для указания на то, что *все то, что актуально мыслится* (если таковое имеется), *существует* (хотя бы в мысли того, кто его мыслит)», нет необходимости утверждать, что объект имеет и первый, и второй из указанных способов существования; поскольку без объекта, существующего в мысли, рассуждение об этом объекте невозможно, то утверждение существования объекта «в мысли» является необходимым. *Необходимость же существования некоторого объекта «вне мысли» из наличия некоторого акта мышления не следует*.

* * *

Позволим себе небольшое отступление, иллюстрирующее осмысленность последнего тезиса (о том, что мы не можем не признавать существования объекта «в мысли», но не «вне мысли») для некоторых гораздо более близких к нам по времени философов. Для того чтобы показать осмысленность приведенного выше тезиса, можно апеллировать к типичному для Нового времени ходу мысли. Например, в *Началах философии*, § 13 у Декарта мы явно видим утверждение, что суждения, не выходящие за пределы «внутреннего мира», более достоверны, чем те, которые рискуют коснуться «внешнего мира». Наша душа, по Декарту, «находит в себе идеи о некоторых вещах; пока она их просто созерцает, не утверждая и не отрицая существование вне себя чего-либо подобного этим идеям, ошибиться она не может» [Декарт, 1998. С. 169]. Примерно такую же мысль мы обнаруживаем на протяжении всей последующей истории философии у множества авторов самых разных направлений, например, у Г. Фреге, сыгравшего роль «отправной точки» для аналитической философии: «…мы обнаруживаем во внутреннем мире достоверность, в то время как с переходом во внешний мир сомнение никогда не покидает нас полностью» [Фреге, 1997. С. 44]. Ср. также с Б. Больцано: «…имеются представления, не имеющие никакого предмета, например, представление “ничто”, “круглый квадрат” и другие… Или, например, представление, которое передается выражением “страна без гор”, где указываются части [горы], на самом деле не входящие в состав предмета представления…» [Больцано, 2003. С. 92]. И далее: «Под таким представлением [“ничто”. – *И. Б.*] понимается само мыслимое представление, сама мысль… Этим представлениям [“круглый квадрат” и “зеленая добродетель”. – *И. Б.*] не может соответствовать никакой предмет, поскольку приписываемые предмету свойства являются противоречивыми. Но имеются также представления, которые являются беспредметными по другой причине, например: гора из золота…» [Там же. С. 96].

---

[4] Следует заметить, что если именно таким был ход рассуждения Парменида, то он является крайне востребованным в последующей философии. Укажем только один пример: «Я не в состоянии отрицать то, что не существует» [Фреге, 1997. С. 55]. В современной аналитической философии необходимость полагать существующим то, существование чего потом отрицается, – как условие осмысленности операции отрицания – приводит к так называемому «парадоксу сингулярного существования», которого мы намерены коснуться в нашей следующей статье.

[5] В дальнейшем мы намерены подробно разобрать, что именно представляет собой «акт мышления объекта» и можно ли считать, что «акт мышления объекта» совпадает с «объектом мысли».

Также и Ф. Брентано полагает, что имманентный сознанию предмет, имеющий «интенциональное внутреннее существование, не нуждается в дополнительном существующем во внешнем мире вещном корреляте. …При анализе феноменов сознания можно отвлечься от объективного существования вещей окружающего мира и работать с предметами или “содержимостями” актов в модусе их “*интенционального существования*”» [Лаврухин, 2005. С. 6]. Кроме того, по Ф. Брентано, мы не можем считать, что *только* суждения о существующих вне мысли объектах могут быть истинными или ложными, так как в этом случае суждения «не-сущее не существует», «сирены не существуют» и т. п. не могут быть объявлены истинными [Бессонов, 1987. С. 18–19]. Пытаться сохранить их осмысленность можно лишь через отказ от допущения, что *только* суждения о внемысленных объектах имеют истинностное значение. А это значит, что признание «реального» существования объектов мышления в принципе не важно для логических операций, т. е. для функционирования мышления, иными словами, из наличия акта мышления не следует внемысленное существование того, на что направлена мысль.

Эту позицию Ф. Брентано разделяет и Э. Гуссерль, по мнению которого, тот факт, что объекты референции не могут рассматриваться как существующие «реально», не служит препятствием для построения логической теории, поскольку «для объекта, данного сознанию, не имеет большого значения, существует ли он, или он выдуман, или полностью абсурден» [Pietersma, 1986. P. 315]. Объекты трактуются Гуссерлем как специфицированные данным понятием, и вопрос об их реальном существовании не имеет, с его точки зрения, никакого отношения к логическому исчислению [Ibid. P. 314]. Все объекты нашего представления суть, так сказать, гипотетически предполагаемые, и они «имеют одни свойства и не обладают другими точно так же, как если бы данное представление было безусловно истинным» [Husserl, 1979. S. 329]. С точки зрения Гуссерля, «ноэма» как объект интенции сознания не является объектом референции. С одной стороны, ноэма есть внутренний объект, порождаемый самим сознанием; таким образом, по Э. Гуссерлю, этот объект рассматривается в рамках (индивидуального) *сознания как такового*, вне зависимости от внешнего мира [Бессонов, 1987. С. 19–20]. Таков изначальный смысл понимания ноэмы Э. Гуссерлем. С другой стороны, ноэма, будучи смыслом (а не референтом!) понятия или имени, имеет интерсубъективное существование [Там же. С. 21]. Однако в рамках некоторого индивидуального сознания она вполне может рассматриваться как его собственное порождение, «внутренний объект сознания».

В итоге можно сказать, что в первом, исходном для Э. Гуссерля аспекте ноэма не есть «ноэма (= мысль) о референте», но определяется, понимается и существует в рамках сознания, как «объект, существующий в сознании и производимый им».

Также к выводу о том, что допущение существования внемысленных объектов является излишним для обеспечения возможности построения «науки о мышлении», подводит теория Т. Парсонса, создавшего для ее формализации особый язык *O* [6]: «Но в теории *O* недоказуемо утверждение о том, что имеются существующие (вне мышления. – *И. Б.*) объекты… Кроме того, доказательство непротиворечивости исчисления *O* – это наиболее полное решение логической проблемы логического объекта. Оно прямо доказывает, что несуществующие (чувственно невоспринимаемые) объекты не противоречат логике, что логика – наука о мышлении – вполне совместима с мысленными объектами» [Бессонов, 1987. С. 130–131].

* * *

Однако для того, чтобы убедиться в корректности положения *все то, что актуально мыслится (если таковое имеется), существует*, вероятно, нам придется показать осмысленность выражения «объект, существующий в мысли» (что мы намерены предпринять в нашей следующей статье). Например, если мы признаем существование этого же объекта вне мысли, у нас возникнут сложности с признанием одного и того же объекта существующим и в мысли, и вне мысли. Кроме того, можно сказать, что выражение «объект, существующий в мысли» вообще не корректно, ибо объект всегда су-

[6] См. подробнее: [Parsons, 1980. P. 24].

ществует вне мысли, а мысль есть лишь мысль об объекте.

Мы полагаем, что выражение «объект, существующий в мысли» вполне осмысленно, но как можно было бы это обосновать? Это выражение не выглядит самопротиворечивым, но, тем не менее, его бессмысленность можно было бы утверждать на том основании, что отсутствуют «объекты, существующие в мысли», а имеются «мысли о внемысленных объектах». Чтобы обосновать свою точку зрения, нам придется обсудить некоторых последующих философов – вплоть до современных. Мы, разумеется, не полагаем, что все то, что они пишут, – истинно. Вопрос об истинности их систем (что бы под этим ни понимать) нас вообще не интересует. Нас интересует только наличие аргументов в пользу и контраргументов против «объектов, существующих в мысли». Если нам удастся показать, что указанная проблема является весьма дискуссионной, то, как нам кажется, сама ее дискуссионность будет свидетельствовать о том, что признание «объектов, существующих в мысли» не менее (и не более) осмысленно, чем их отвержение. Кроме того, в нашей следующей статье мы намерены указать на то, что использование при интерпретации B 2, 3 выражения «объект, существующий в мысли» не влечет за собой обязательное выделение нескольких способов существования. Мы укажем, что выделение таких способов может вызвать некоторые трудности, но если мы не обязаны приписывать подобное выделение Пармениду, то согласованности Парменида подобное выделение ущерба не наносит [7].

Список литературы

Бессонов А. В. Теория объектов в логике. Новосибирск: Наука, 1987.

Больцано Б. Учение о науке (Избранное). СПб.: Наука, 2003.

Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии как способ выявления специфики ее рациональности // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2004. № 3 (33). С. 29–36.

Декарт Р. Избранные труды. Луцк: Вежа, 1998.

Досократики (Доэлеатовский и элеатовский периоды) / Пер. с древнегреческого и комментарии А. Маковельского. Минск: Харвест, 1999.

Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. 13. С. 340–376.

Лаврухин А. В. Учение Брентано об «интенциональном внутреннем существовании» объекта и его критическое переосмысление у К. Твардовского и Э. Гуссерля // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2005. № 1 (35). С. 5–13.

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994.

Фрагменты ранних греческих философов / Под. ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1.

Фреге Г. Логические исследования / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 1997.

Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004.

De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / Ed. by L. P. Gerson. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 29–53.

Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch und deutsch H. Diels; elfte Auflage herausgegeben W. Kranz. V. I. Zürich. Berlin: Weidmannsche verlagsbuchhandlung, 1964.

Husserl E. Aufsätze und Rezensionen (1890–1910). The Hague, 1979.

Nuchelmans G. Theories of Proposition, Ancient and Medieval Conceptions of the Bearers of Truth and Falsity. Amsterdam; L., 1973.

Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in

[7] Обсуждения осмысленности B 2, 3 мы намерены продолжить в статье, которая будет опубликована в следующем выпуске журнала.

Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 3–26.

Parsons T. Nonexisting Objects. L., 1980.

Pietersma H. Husserl's concept of existence // Synthese. 1986. Vol. 66/2. P. 312–323.

Материал поступил в редколлегию 01.06.2008

I. V. Berestov

The Possible Parmenides' Premises (Part 1): The Problem of the Two Modes of Existence – the Case of L. M. De Rijk's Interpretation of the Fragment B 2, 3 *DK*

This paper is the first part of the study, in which will be analyzed some claims to a correctness of Parmenides' argument in B 2 – B 8, 49 and to an acceptability of his base presuppositions. The special attention is given to the fragment B 2, 3 *DK* and to discussion of an acceptability of the presupposition (1), supposedly implied in this fragment: «all those things, which are actually thought (if they are present), exist». The next (and forthcoming) paper will be devoted to continuation of the critical analysis of the arguments which are put forward against acceptability the presupposition (1).

Keywords: Parmenides, L. M. De Rijk, the problem approach, existence in reality, existence in thought, the identity of the thinking and existence, G. Frege, E. Husserl.